

УНИВЕРСАЛИЗМ И ТЕРРИТОРИАЛИЗМ. СТАРАЯ ИМПЕРИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНИИ В XVI–XVIII вв.

Ю. Е. Ивонин

Смоленский государственный педагогический университет

Уже в течение нескольких веков как в публицистике, так и в историографии широко дебатировались проблемы соотношения универсализма, территориализма и «особого пути» государственно-политического развития Германии Нового времени, важным этапом которого были XVI–XVIII века. Движение Германии к созданию правового государства Нового времени, под которым имеются в виду западные демократии в форме национальных государств, обычно начинают с Наполеоновских войн, точнее, с ликвидации Священной Римской империи в 1806 г. Современные исследования, однако, показали, что это движение началось значительно раньше, но имело много особенностей в силу геополитического положения германских земель в Средние века и начале Нового времени. Научная историография данной проблемы ведет свое начало с первой половины XIX в., когда Л. фон Ранке сформулировал тезис о связи Реформации с национальным государством. Оставаясь европеистом, он во второй половине своей жизни стал склоняться к идеологии пруссачества, наиболее четко прозвучавшей в XIX в. в трудах И. Дройзена, Г. фон Трейчке, а в первой половине нашего столетия – в работах О. Хинце, Ф. Мейнеке, Г. Риттера. В контексте нашей проблемы идеология пруссачества выражалась в том, что территориальные государства порицались как противники объединения Германии, а империя – за ее слабость. Сила же виделась в Пруссии – как единственной объединительнице Германии. Идеология пруссачества, как известно, способствовала подъему национализма и консерватизма в Германии, во многом подготовивших идеологическую почву для развязывания Первой и Второй мировых войн. После Второй мировой войны западногерманская историография стала переходить на позиции объективизма и детального изучения проблем истории империи и территориальной государственности. Огромное количество трудов, основанных на детальном изучении конкретных проблем, способствовало появлению новых тенденций в освещении истории формирования территориальных государств в Германии и нашло отражение в обобщающих работах. К. О. фон Аретина, Ф. Пресса, Х. Шиллинга, Х. Духхардта, В. Шульце, М. Штолляйса, Т. Бреди, Ч. Инграо и многих других известных истори-

ков и юристов. Если суммировать результаты этих изысканий в целом, то можно заметить смещение от однозначно негативной оценки территориальной государственности в Германии к характеристике государственно-политической структуры Германии XVI–XVIII вв. как предтечи ее современного федеративного устройства и некоторому повышению оценки роли империи в регулировании отношений между ее членами. Эти проблемы во многом связаны с геополитическим положением Германии, причинами Первой и Второй мировых войн, вопросами объединения Германии в 50–60-х гг. XIX и в конце XX в., а также с вопросом об истоках современного федеративного устройства Германии. Несомненно, что «особый путь» государственно-политического развития Германии нельзя рассматривать изолированно от государственно-политического развития стран Западной Европы конца Средневековья и периода Нового времени. Известно, что в государственно-политическом развитии Западной Европы уже в XVI в. наметились три тенденции. Первая выражалась в сохранении универсалистской и средневековой по своему содержанию идеи христианской общеевропейской империи под властью династии Габсбургов, воплотившейся в форме Священной Римской империи германской нации, или, как ее теперь чаще именуют, Старой империи; вторая – в начавшемся, но не вполне осознаваемом современниками формировании национальных государств, наиболее ярко представленном Англией и Францией; третья нашла отражение в развитии территориальной государственности в княжествах и городах Германии и Италии.

Государственно-политическое развитие Германии XVI–XVIII вв. имело как бы трехуровневый характер: Старая империя и входившие туда в разное время Нидерланды, часть Италии, Чехия; собственно Германия как совокупность средних и малых светских и церковных территорий; наконец, комплекс наследственных габсбургских владений, прежде всего Австрия. Эти три уровня развивались не изолированно друг от друга, а в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, образуя сложные политические отношения на основе династических комбинаций и средневекового ленного права, будучи вместе с тем вплетенными в основные перипетии европейской политики и европейских войн. Параллельно истории Германии раннего Нового времени в отношениях империи и территориальных государств четко прослеживается проблема соотношения религии, церкви, государства и подданства. Достаточно хорошо известно, что для Средневековья была характерна парадигма подчинения верующего прежде всего церкви, обеспечивавшей ему путь к спасению. Но ближе к концу Средних веков начала формироваться другая парадигма, смысл которой выходил за рамки религии и основывался на рационализме, т. е. хороший гражданин в первую очередь должен являться подданным суверенного

государства. К середине XVII в. понятие религиозной истины как основы политики было разрушено, а в XVIII в. роль религии в этом смысле была нейтрализована.

Важное место в изучении отношений империи и территориальных государств занимает концепция конфессионализма (Х. Шиллинг) и коммунизма (П. Бликле). Концепция конфессионализма заключается в том, что во второй половине XVI – первой половине XVII в. в общественно-политической жизни и в международных отношениях в Западной Европе ведущей доминантой была *конфессионализация*, означавшая тесное сращивание религии, общества и государства. Лишь со второй половины XVII в. роль ведущей доминанты играет государственный интерес, основанный на *рационалистических мотивах*. Концепция *коммунизма* характеризуется тем, что города начинают, стремясь подчинить церковь городскому управлению, поддерживать идеи Реформации. Их примеру последовали некоторые территориальные князья, которые подчинили своей власти не только церковь, но и сами города в своих владениях. В итоге Реформация и вообще конфессионализация стали средствами укрепления территориальной государственности по отношению к империи. Примеру протестантских князей последовали и католические князья, стремившиеся подчинить католическую церковь своей власти, не вводя вместе с тем Реформацию.

Изучение отношений между империей и территориальными государствами Германии приводит к выводу, что, несмотря на стремление последних к территориальному суверенитету и самостоятельной внешней политике, империя, хотя и в ослабленной форме, продолжала сохраняться как реальная политическая сила, причем в ее сохранении были заинтересованы сами князья. Важным моментом в отношениях между империей и князьями, а также между самими князьями являлись династические связи. Династии австрийских Габсбургов, баварских Виттельсбахов, бранденбургских Гогенцоллернов, саксонских Веттинов имели в качестве родственников крупных светских и духовных князей Германии, так что многие государственно-политические проблемы решались на династическом уровне. Империя была призвана предотвращать борьбу и проявления политического эгоизма между отдельными ее членами, в чем часто видят важный элемент на пути создания европейских государств раннего Нового времени. Поэтому, кроме территориального патриотизма, существовал еще и имперский патриотизм, очень важный для понимания психологии немцев и способствовавший объединению Германии. Смягчая конфликты между германскими государствами, Старая империя в то же время столкнулась с реалиями, противоречившими самой имперской идее. В политической жизни Германии центр тяжести с началом Реформации все боль-

ше стал смещаться в сторону территориальных княжеств. Аугсбургский религиозный мир 1555 г. не просто заморозил имперскую конституцию Священной Римской империи как аристократической ассоциации, но и заблокировал путь империи к централизованному управлению в западноевропейском стиле. Главным практически для всех князей стало сохранение старой имперской конституции. В этом смысле определяющим стал Вестфальский мир 1648 г., закрепивший старую имперскую конституцию и одновременно предоставивший князьям право заключения союзов с иностранными государствами. Вместе с тем империя сохранилась как сила, необходимая для отражения общей опасности, и как орган, регулирующий отношения между ее членами.

Специфика государственно-политического развития Германии выражалась в том, что, с одной стороны, она способствовала расширению западноевропейского влияния на восток и северо-восток Европы, а с другой, отдельные земли Германии имели собственные, отличные от общеевропейских интересы не только во внутренней, но и во внешней политике, что создавало благоприятную почву для военно-политических конфликтов друг с другом. Вместе с тем заинтересованность входящих в империю государств в ее сохранении на слабых, но все же федеративных началах способствовала ее существованию до начала XIX в.

В течение XVI–XVIII вв., особенно со второй половины XVII в., формировался бюрократический аппарат территориального государства, роль рейхстагов и ландтагов ослаблялась, центр государственного управления перемещался в сторону княжеского двора и бюрократического аппарата. Рейхстаг все же продолжал играть роль органа, регулирующего отношения между чинами империи, хотя часто решения рейхстагов не реализовывались, потому что имперские власти не обладали достаточной полнотой исполнительной власти. В ряде княжеств (например, в Баварии) ландтаги с начала XVII в. не собирались, а в некоторых они становились органами сословной (преимущественно дворянской, а нередко и городов) оппозиции территориальным государям. Заседавший с 1663 г. в Регенсбурге постоянный рейхстаг все же был тем не менее школой решения и согласования спорных проблем на федеративном уровне. Имперское рыцарство достаточно быстро эволюционировало в плане трансформации в земельное дворянство. Священнослужители, особенно в протестантских княжествах, фактически становились служащими государственного аппарата. Необходимость сосуществования и регулирования отношений между империей и территориальными государствами, между территориальными государствами и имперскими городами с различными конфессиями, наконец, проблемы с поликонфессиональным делением внутри территорий способствовали, особенно после религиозных распрей XVI в.

и Тридцатилетней войны, утверждению в политике принципа *рационализма* и *веротерпимости*. Но это же явление вело, как следствие, к упадку силы, объединяющей католические земли, т. е. к ослаблению роли католических императоров Старой империи. Торжество территориализма к концу XVIII в. являлось результатом утверждения политики веротерпимости, с другой стороны, последняя была показателем формирования гражданского общества и правового государства Нового времени.

Веротерпимость и утверждение основ правового государства проявились в политике *просвещенного абсолютизма*. Обычное негативное отношение к просвещенному абсолютизму как политике приспособления феодальных режимов к меняющейся действительности верно лишь отчасти, ибо, в сущности, как показали современные исследования, она была вызвана соображениями экономической и политической необходимости и, хотя и была ограничена княжескими дворами, в известном смысле открывала дорогу для последующего буржуазного развития и падения старого режима, т. е. абсолютизма.

Параллельно со становлением территориального государства в Германии развивались политические и правовые учения, носившие во многом умеренный характер, но тем не менее способствовавшие формированию основ правового государства и правового сознания в смысле закладывания основ мышления не подданного, а гражданина. Хотя во многом эти учения, основанные на принципах естественного и международного права и ставшие классическими и наиболее разработанными в юридическом отношении в Европе, были умеренно-консервативными, эволюция от феодальной монархии к правовому государству, основанному на верховенстве закона, была очевидна. Эволюция правовых идей в Германии XVI–XVIII вв. связана прежде всего с именами М. Лютера, Ф. Меланхтона, И. Альгузия, С. Пуфендорфа, Л. Зекендорфа, Г. В. Лейбница, Х. Томазия, Х. Вольфа, И. Мозера и И. Канта. Идеи о сопротивлении несправедливому государю, а во время Реформации это делалось устами Лютера и Меланхтона, когда речь шла об императоре, которого обвиняли в нарушении имперской конституции, появились в германской политической мысли еще до распространения кальвинизма. А предтечей концепции правового государства Нового времени совершенно справедливо считается И. Кант.

В международных отношениях империя и территориальные государства не представляли собой единого целого по ряду причин. Зависимость империи от позиции территорий сдерживала имперскую политику Габсбургов, тогда как территориальные государства добивались суверенитета во внешней политике. Это проявилось в переговорах ряда территориальных княжеств с Англией и Францией в XVI в., в их позиции по отношению к турецкой угрозе, в принадлежности к различным коалициям во

время Тридцатилетней войны. Турецкая угроза, в частности, способствовала формированию австрийского абсолютистского государства в форме Дунайской монархии. Отношения империи и территориальных государств привели к *интернационализации* внутривнутриполитической жизни Германии, вмешательству иностранных государств в германские дела, но не с целью уничтожения Германии, а с целью сохранения имперской конституции, обеспечивавшей безопасность соседям империи от ее же собственной амбициозной политики. Как показал пример таких крупных территориальных государств, как Бранденбург – Пруссия, Саксония, Бавария, Пфальц, их главной целью было укрепление территориального суверенитета в рамках имперской конституции. Архиепископы Майнцские как курфюрсты и эрцканцлеры империи, являясь в качестве последних вторыми лицами в ее иерархии, с одной стороны, стремились сохранить имперскую конституцию, с другой стороны, усилить свои позиции территориальных князей. Вместе с тем экспансия Людовика XIV способствовала сближению ряда князей с империей. Возвышение Бранденбурга – Пруссии привело к возникновению австро-прусского дуализма и усилению роли Пруссии как противовеса империи не только в самой Германии, но и в европейской политике, что являлось предвестником распада Старой империи и формирования отдельной Австрийской империи в виде Дунайской монархии, а также возможного объединения Германии под эгидой Пруссии.

Частое преобладание в Германии XIX века консервативных настроений объясняется не только имперским наследием и духом пруссачества, но и тем, что после завершения Наполеоновских войн германские консерваторы сумели свернуть часть либеральных реформ, пугая население образом Французской революции и возможностью повторения этих войн, и замедлить движение Германии по пути создания правого государства и либеральных реформ.

В заключение следует отметить, что в отношениях между Священной Римской империей и территориальными государствами Германии XVI–XVIII вв. достаточно четко прослеживаются зародыши будущего федеративного устройства Германии, элементы правового государства Нового времени и правового сознания, поликонфессионализма и веротерпимости Германии нашего времени. Фактически полусамостоятельное длительное существование и суверенитет территориальных государств стали основой федеративного устройства, при котором рационально сочетаются интересы территорий и федерального центра.